

Долговечные утопии

Один из двух типов анархических утопий рассчитан на длительное существование своего сюжета. Такие утопии проецируются далеко в будущее, имеют сильную организационную составляющую, а их цель состоит в том, чтобы описать жизнеспособные анархии, которые расширяют возможности людей и при этом избегают «безжизненных структур», о которых предупреждала Мари-Луиза Бернери. Именно поэтому анархисты в своей критике были куда более благосклонны к таким авторам, как Роберт Оуэн, Шарль Фурье и Анри Сен-Симон, нежели с пренебрежением называвшие их «утопистами» Маркс и Энгельс. К примеру, Кропоткин защищал подход Фурье к организации. Встряхнуть коробку с камнями и дать им возможность улечься самим представлялось Кропоткину хорошим организационным принципом. Тем не менее он без энтузиазма относился к предлагаемым Фурье регламентированным сообществам. Он считал фаланстер — общинную единицу утопического социализма Фурье — искусственным объединением, в котором представлены основные типы личности. Планы Кропоткина были анархистским ответом, а не органичным сообществом. Более того, Кропоткин полагал, что Фурье намеревался слишком жестко регулировать деятельность его жителей[291].

Для анархистской политики такие всеобъемлющие двухуровневые модели, как модель Кропоткина, были весьма нетипичны. В центре внимания располагались два вопроса: необходимо было обеспечить, во-первых, появление в результате борьбы гибких, самоорганизующихся и автономных систем и, во-вторых, возможность проведения продолжительных революционных кампаний против буржуазии. В обоих случаях важную роль играли децентрализация и интеграция.

В книге «Поля, фабрики и мастерские» Кропоткин изложил свой макроэкономический план. Он призывал к децентрализации производства, отказу от разделения между умственным и физическим трудом и слиянию сельского хозяйства и промышленности на региональном уровне. Социализм зависит не только от упразднения капиталистического производства, нацеленного на получение прибыли, но и от прекращения торговли, основанной на принципах фиктивного свободного рынка, разделения труда и обмена.

Кропоткин критиковал «Богатство народов» (Wealth of Nations) Адама Смита. Он утверждал, что в этой книге предлагается разбивка производственных задач и тщательная специализация для повышения эффективности, увеличения излишков и стимулирования инвестиций. Кропоткин считал, что такая модель обезличивает работников на местах ради глобального общего блага, которое в конечном счете является неустойчивым. По мнению Кропоткина, Смит не понимал, что труд может и должен приносить удовлетворение, даже оказывать терапевтическое воздействие. Все перевешивала производительность. Реализованная в каждом населенном пункте специализация обрекла бы рабочих на бездумное выполнение одних и тех же задач в течение всей жизни. Примененная глобально, она стимулировала бы систему взаимных услуг: если предположить, что индустриализация

создает постоянное территориальное деление, то неиндустриальные регионы превратятся в экономики услуг для «развитых» европейских государств. С производительностью также связаны распространение монокультур и варварская эксплуатация природных ресурсов. Очевидное противоречие заключалось в том, что экспорт промышленного оборудования «мастерскими мира» в среднесрочной и долгосрочной перспективе препятствовал бы специализации. Распространение индустриализации было не только неэффективно, но и нестабильно. Оно неизбежно влекло за собой острейшую конкуренцию и борьбу за рынки.

В «Завоевании хлеба» Кропоткин рассмотрел вопросы микроэкономических изменений и революционной стойкости. Он призвал коммуны — городские и сельские — подготовиться, чтобы соответствовать требованиям анархистской борьбы. В основе его аргументации лежала идея о том, что каналы снабжения можно обеспечить только экспроприацией: отменой частной собственности, производства с целью извлечения прибыли и системы заработной платы. В среднесрочной и долгосрочной перспективе анархический коммунизм требовал перестройки производства под потребности. В перспективе же краткосрочной необходимо было вводить системы распределения, основанные на свободном обмене. Все товары и услуги — жилье, одежда и продукты питания — должны были распределяться по потребностям. Приводя еще свежий на тот момент пример Парижской коммуны, Кропоткин утверждал, что коммунары могли бы выдержать год-два осады, навязанной «сторонниками правления среднего класса», если бы научились использовать собственные ресурсы, совместно работать и реорганизовывать «экономическую жизнь мастерских, верфей [и] фабрик»[292]. Став свидетелем полного краха российской экономики после 1917 года, он понял, что эти рассуждения были слишком оптимистичными. Тем не менее он по-прежнему настаивал, что будущее анархии зависит от способности местных общин удовлетворять собственные нужды. В 1942 году биограф Кропоткина Джордж Вудкок напомнил об этом следующими словами: «Если достаточное количество еды может быть произведено только после экономической и социальной революции, то столь же очевидно, что без еды сделать революцию просто невозможно... Страна в состоянии бунта, и тем более в состоянии войны, должна дать отпор самой безжалостной блокаде. Без хлеба революция обречена»[293].

Планы Кропоткина были анархистским ответом на либеральные и консервативные формы социальной глобализации, преобладавшие в начале XX века. Самые оптимистичные из них призывали к интернационализации рынков путем расширения свободной торговли и корпоративной глобализации экономики. Либералы видели в этом гарантию вечного мира. Американский журналист Харольд Болс, к примеру, выступал за «финансовое и коммерческое объединение наций», вознося хвалу «магнатам, обвиняемым в международном пиратстве», за то, что они дали «стабильность миру, разобщенному политической анархией». Если национальные государства подталкивали «народы к конфликту», то корпорации ратовали за «объединение». Либеральный рыночный интернационализм сулил «мировое единство, превосходящее даже суверенитет наций»[294].

Аргументы Болса не смогли убедить Кропоткина. Он указал на то, что государства и корпорации работают рука об руку и в их опасном сотрудничестве заключается основная причина межгосударственного соперничества, нестабильности и войн. Будучи, как и Болс, интернационалистом, он понимал анархию как мировоззрение и процесс. Однако свою цель

он видел в том, чтобы подтолкнуть экономические силы к деколонизации и созданию недоминирующих транснациональных глобальных сообществ. Книга «Поля, фабрики и мастерские» начинается с разоблачения колонизаторской логики международной торговли и разделения труда, для чего Кропоткин цитирует их «восторженное изображение, мастерски очерченное» Нейманом Споллартом:

“ «Зачем выращивать хлеб... зачем разводить быков и овец, обрабатывать огороды, подвергать себя тяжелому труду работника и фермера, со страхом наблюдать небо из опасения плохого урожая, когда можно получать с гораздо меньшей затратой труда целые горы хлеба из Индии, Америки, Венгрии и России, мясо из Новой Зеландии, овощи с Азорских островов, яблоки из Канады, виноград из Малаги и т.п. Уже и теперь наша пища, даже в самых скромных хозяйствах, состоит из продуктов, собранных со всего земного шара, а платье из волокон или шерсти, доставленных из самых отдаленных частей света. Прерии Америки и Австралии, горы и степи Азии, мерзлые пустыри арктических стран, пустыни Африки, воды океанов, тропики и страны полуночного солнца несут нам свои дары. Все народности принимают участие в снабжении нас простой и изысканной пищей, простой одеждой и нарядами, а мы шлем им в обмен плоды нашего более высокого умственного развития, наших технических знаний, нашей великой организационной способности в области промышленности и торговли. Какая величественная, поразительная картина! Этот деятельный и сложный обмен продуктов между странами всего земного шара неожиданно разросся в течение нескольких лет!»[295]

По мнению Кропоткина, такой корыстный обмен, основанный на доминировании, невозможно изменить посредством глобализации международного капиталистического рынка или некоего перераспределения корпоративного и государственного контроля. Напротив, анархический интернационализм означал бы, что регионы и нации (в «географическом смысле», а не в геополитическом) будут обмениваться только «тем, что действительно подлежит обмену». Ограничение сократит объем торговли при одновременном «колоссальном» увеличении «обмена новинками, произведениями местного или национального искусства, новыми открытиями и изобретениями, знаниями и идеями»[296]. Глобальные научные знания (Erdkunde) и знания, основанные на местном опыте (Heimatkunde), позволят людям в каждом регионе самим решать, как именно они хотят применять полученные в результате недоминирующего обмена идеи для уменьшения трудозатрат. Как и многие социалисты XIX века, Кропоткин ожидал сокращения рабочего дня за счет разумного использования технологий. Но он также считал, что поменяется и сам способ производства. Анархия возродит мелкие кустарные промыслы, поскольку такой труд приносит больше удовлетворения, чем работа на заводе. Одной из его излюбленных тем было развитие овощеводства за счет того, что тепличные технологии позволят выращивать продукцию круглый год и продлевать вегетационный период в более суровых климатических условиях. Использование энергии ветра и солнца будет способствовать созданию промысловых поселений. Кропоткин не обещал всеобщего счастья — это, по его словам, не входило в число задач анархии. Анархический интернационализм представлял

собой более скромный, рациональный, справедливый и устойчивый план. Он побуждал людей работать совместно «собственными руками и умом», «с помощью уже изобретенной техники и той, что еще будет изобретена, создавать любые мыслимые богатства». Его этика заключалась в том, чтобы «не отбирать... хлеб у других»[297].

Среди сторонников постлевой анархии и постанархистов утопия Кропоткина вызывает споры, так как, во-первых, предполагает, что технологии можно отделить от условий их производства, а во-вторых, является телеологической. Кропоткин не только наметил программу изменений, но и, судя по всему, считал, что его интегрированная экономика уже вовсю развивается. Будущее, заявлял он, «уже возможно, уже осуществимо», поскольку «настоящее уже приговорено и вот-вот исчезнет»[298]. Даже будучи сторонником свободной воли, Кропоткин, казалось, давал понять, что история уже на стороне анархистов.

Разграничение между вероятностью и возможностью, проведенное социологом Дериком Шенноном, предлагает иную интерпретацию. Вероятность говорит о существующей конфигурации сил, а возможность — о сопротивлении этим силам. «Гораздо более вероятно, — заявляет он, — что капиталисты приведут нас к гибели с помощью либо ядерной, либо экологической катастрофы, чем то, что человечество выиграет войну с капиталистическими институтами, нацеленными на извлечение прибыли любой ценой, и положит конец разделению на конкурирующие нации, обозначенному в виде границ на карте». Тем не менее все еще возможно найти «массу причин продолжать борьбу против капитализма и участвовать в ней самому»[299]. Настаивая на том, что экономические тенденции могут поддерживать как анархический интернационализм, так и регрессивные формы буржуазно-этатистской глобализации, Кропоткин предложил своей аудитории сравнить две утопии и решить, какая из них будет более долговечной.

Версия #1

Зверобой создал 11 апреля 2025 15:44:17

Зверобой обновил 11 апреля 2025 15:45:39